Возможности и пределы ненасилия в культуре современного российского общества

Вшивцева Людмила Николаевна
аспирант
Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия
E–mail: *lyudmila-vshivceva@yandex.ru*

Вплоть до 1990-х гг. в культуре российского общества ненасилие понималось в буквальном смысле как отказ от насилия, выражающийся в непротивлении, покорности, пассивности. И только на рубеже XX-XXI вв., под влиянием западной культурной традиции, берущей начало в новоевропейской философии, преимущественно в учении о «вечном мире» И. Канта, и достигшей наибольшего развития в XX в. в теории и практике М.-Л. Кинга, а также ввиду успешной ненасильственной кампании М.К. Ганди за независимость Индии, ненасилие в культуре России стало известно в качестве массовой социальной практики, включающей стратегию и технику социально-политической борьбы, разрешения конфликтов и посредничества, гражданского сопротивления агрессору. Новое для отечественной традиции понимание ненасилия, придавшее ему социально-политические очертания, поставило новые задачи в его изучении: необходимость прояснения и уточнения концептуального содержания важнейших составляющих ненасилия, а также необходимость определения места, возможностей и пределов ненасильственной практики в культуре современного российского общества.

Философско-исторический анализ отечественной и зарубежной концепций ненасилия показал, что оно представляет собой сложное понятие, включающее большое количество различных значений и смысловых оттенков. Так, в культуре современного общества к ненасилию относятся как отрицательные (**не**вреждение, **не**совершение, **не**участие, **не**голосование и т.п.), так и активные положительные действия. В первом случае речь идет о ненасилии в буквальном смысле как несовершении насилия (пассивное ненасилие), которое укоренилось в российском общественном сознании, во втором – о ненасилии в концептуальном плане, где оно понимается одновременно и как теория и как практика (активное ненасилие, содержащее доминанты принципиальной и прагматической концепций ненасилия): во-первых, как общественная и личностная парадигма поведения, основанная на нравственно-этических ценностях, нацеленная на неприченение вреда другому человеку, группе людей, нации и в отношении их соблюдающая справедливость (принципиальное ненасилие); во-вторых, как метод разрешения конфликтов, противостояния несправедливости и ее пресечения, являющийся одновременно и целью и действием, не исключающий физическое и психическое принуждение в позитивных целях (прагматическое ненасилие).

Социокультурный подход к проблеме ненасилия способствовал заключению о том, что в культуре современного глобализирующегося общества России, как насилие, так и принципиальное ненасилие и непротивление, не могут по отдельности выступать важнейшей государственной стратегией. В этом плане весьма перспективной представляется концепция активного ненасилия, допускающая позитивно направленные формы физического и морального принуждения. Главным образом, эта теория осуществляет поиски способов трансформации насилия в ненасильственные формы, детерминант, обеспечивающих реализацию принципа адресного насилия, не подменяя реальные объекты военного, физического и политического насилия в угоду политической конъюнктуре. Однако, в отличие от стран Запада, с изначальными установками на прагматизм и утилитаризм, на дедуктивное движение к мировой гармонии, отечественная культура очень медленно идет к идеи активного ненасилия, меняющего акценты с теории на практику, с безучастности на побуждение, с индивидуализма на общность, что обусловлено рядом причин: 1) традицией описания и анализа этого понятия в русской философской мысли, идущей от учении «о

непротивлении злу насилием» Л.Н. Толстого и от трактовки этого учения в советском обществоведении и проставляемых им акцентов в направлении пассивности, запрета и ограничения; 2) советским восприятием ненасилия в качестве абстрактной категории, не имеющей никакого отношения к человеческой практике; 3) невключением ненасилия во все виды словарей советского периода, и как следствие непризнание его как термина; 4) отсутствием разработок стратегий и технологий ненасильственного сопротивления и мирного разрешения конфликтов, учитывающих особенности России; 4) многочисленными провалами концепции ненасильственного метода решения политических, культурных и этнических вопросов в постсоветский период. Помимо специфически российских причин, замедляющих темпы движения на пути к ненасилию как массовой социальной практике по мирному разрешению общественных противоречивых и конфликтных ситуаций, можно выделить и общецивилизационные - затрудняющие масштабность ненасильственной практики: 1) требование особой дисциплины и творческой организованности от участников ненасильственного сопротивления с опорой на внутреннюю, духовную волю самого человека, а не на внешнее командование; 2) автономность участников ненасильственной борьбы, проявляющаяся в самостоятельности принятия решения относительно того, когда необходимо вступить и покинуть ненасильственное движение; 3) зависимость результатов от количества участников ненасильственной акции; 4) синергетичность самого ненасильственного сопротивления, обусловленная автономностью и количеством его участников; 5) негарантированность стопроцентного успеха в достижении цели.

Обращаясь к трудностям, стоящим на пути отечественной культуры активного ненасилия, необходимо помнить, что в этом направлении в настоящее время делается очень много: выходят монографии и обзорные труды академического уровня (А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян, Т.А. Павлова и др.), ежегодно собираются конференции и симпозиумы («Установление культуры мира: универсальные ценности и гражданское общество», «Насилие и ненасилие: Философия, политика, этика» и др.), призванные, опираясь на западный опыт теории и успешной практической реализации ненасилия, разработать российские философию и историю, стратегию и технологию ненасильственного сопротивления и мирного разрешения конфликтов.

Таким образом, в культуре современного глобализирующегося российского общества понимание ненасилия как пассивного отказа от насилия остается в прошлом, следовательно, исчезают утопизм и скептицизм в его отношении. Под влиянием западной культурной традиции русское непротивление постепенно трансформируется в «активное ненасилие», тем самым, увеличивая свои потенциальные возможности за счет перехода, во-первых, от индивидуализма к общности, что обусловлено западной установкой на движение к мировой гармонии от общего к частному - до конца 1990-х гг. осуществление ненасилия мыслилось возможным через внутреннее совершенствование человека, после – ведущая роль отводится институционализации ненасилия, в связи с этим оно меняет свое положение в государственной ценностной иерархии, приближаясь к лидерским позициям. Во-вторых, от идеализма к прагматизму, от теории к практике, что связано с прагматической, утилитаристской направленностью ценностей западной культуры – до процессов глобализации ненасилие представлялось как идеалистическая утопия, после - как реальная активная, инициативная, целеустремленная, справедливая стратегия и техника социально-политичекой борьбы, разрешения конфликтов и посредничества, гражданского (невоенного) сопротивления агрессору применимо к реалиям общества.

Литература

1. Ненасилие: философия, этика, политика / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 1993.
2. Опыт ненасилия в XX столетии: социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996.